

А. Д. Шмелев

<https://orcid.org/0000-0002-5019-1525>

✉ shmelev.alexei@gmail.com

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

СУБСТАНДАРТ В НОРМАТИВНЫХ СЛОВАРЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются функционирование субстандартных языковых единиц в современной русской речи и их описание в существующих нормативных словарях русского языка. Особое внимание уделяется словам, имеющим среди своих лексических значений как стандартные, так и субстандартные значения. В частности, рассматриваются русские глаголы *дать/давать*, *кончить/кончать*, *трахнуть/трахать* и *трахнуться/трахаться*. Субстандартные значения этих единиц стали получать лексикографические описания относительно недавно. Как показывают корпусные данные (в первую очередь данные Национального корпуса русского языка), существующие словарные описания таких единиц во многом несовершенны, и это касается не только субстандартных, но и стандартных значений. Адекватное словарное описание этих единиц должно опираться на тщательный семантический анализ, при этом должны приниматься во внимание их модели управления. Учет всех релевантных факторов может способствовать совершенствованию их словарных описаний.

Ключевые слова: лексикография, семантика, стилистика, языковая норма, субстандарт, многозначность

Для цитирования: Шмелев А. Д. Субстандарт в нормативных словарях // Шаги/Steps. Т. 11. № 1. 2025. С. 270–287.

Поступило 22 марта 2024 г.; принято 25 января 2025 г.

A. D. Shmelev

<https://orcid.org/0000-0002-5019-1525>

✉ shmelev.alexei@gmail.com

V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)

SUBSTANDARD ELEMENTS IN DICTIONARIES OF STANDARD LANGUAGE

Abstract. This paper deals with non-standard (substandard) linguistic units in Russian speech and their description in existing dictionaries of standard Russian, e. g. the word *tselka* 'hymen; virgin (girl)' and such words as *bliad'*, *blia* and *blin* in their interjectional and parenthetical use. It makes use of corpus data (in particular, data from the Russian National Corpus) and shows that their lexicographic descriptions often do not account for their use in speech. The paper makes special reference to lexical units that have both standard and non-standard meanings. In particular, it discusses the meaning and usage of the Russian verbs *dat'*/*davat'*, *konchit'*/*konchat'*, *trakhnut'*/*trakhat'*, and *trakhnut'sia*/*trakhat'sia*. Non-standard meanings of these units have only recently received lexicographic descriptions. All these words deserve a thorough semantic and syntactic analysis (in particular, their government patterns should be carefully studied for each particular lexical meaning). The relation between standard and non-standard readings is idiosyncratic in each case and also should be taken into account. The paper aims to show that the descriptions of the words under consideration (not only descriptions of their non-standard meanings but descriptions of their standard meanings as well) in existing dictionaries often require revision. It outlines ways of improving their lexicographic descriptions.

Keywords: lexicography, semantics, stylistics, linguistic standard, substandard, polysemy

To cite this article: Shmelev, A. D. (2025). Substandard elements in dictionaries of standard language. *Shagi / Steps*, 11(1), 270–287. (In Russian).

Received March 22, 2024; accepted January 25, 2025

Эта статья была прочитана в качестве доклада 13 ноября 2020 г. на международной конференции «Субстандарт в русском языке: коммуникация и литература», посвященного описанию субстандартной лексики в нормативных словарях. Строго говоря, включение субстандартных элементов в нормативный словарь не предполагается. Лексикографическую фиксацию они могут получать в специализированных словарях, таких, как, например, «Русская заветная идиоматика» [Буй 1995; 2005]; ср. также [Елистратов 1994; Юганов, Юганова 1994; Ермакова и др. 1999; Квеселевич 2003¹; Химик 2004], а также в общеязыковых словарях, нацеленных на отражение словарного состава языка во всей возможной полноте (таков, например, словарь Даля в 3-м издании под редакцией И. А. Бодуэна де Куртене [Даль 1903–1911]). Кроме того, сниженная и бранная лексика содержится в некоторых справочниках энциклопедического характера, не предполагающих сколько-нибудь полного представления собственно языковых данных, например, в справочнике Жака Росси [Rossi 1987; Росси 1991].

Особое место среди словарей, ориентированных на субстандарт, занимают словари, посвященные табуированной, в частности скверноматерной, лексике и идиоматике. Заметим, что многие из таких словарей характеризуются крайне невысоким качеством (некоторое исключение представляет упомянутый выше словарь Василия Буя [1995; 2005], выполненный в соответствии со всеми принятыми профессиональными требованиями). В связи с этим упомяну «Словарь мата» А. Плущера-Сарно [2001; 2005]. Первый том словаря был посвящен единственному, весьма немногосложному русскому слову; ему было предпослано пять «вводных статей» (первые две были подписаны докторами филологических наук В. Л. Рудневым и А. Д. Дуличенко соответственно, а следующие три написаны автором словаря). Примечательно, что в третьей вводной статье автор подвергает справедливой уничтожающей критике безграмотные подделки, опубликованные под видом «матерных словарей», а в пятой статье приводится парадигма склонения рассматриваемого слова (в одушевленном и неодушевленном значении), и в пяти случаях автор определяет падеж неправильно!²

Впрочем, и в нормативные словари некоторые субстандартные выражения иногда все же включаются и в этом случае снабжаются стилистическими пометами, указывающими на то, что данное выражение находится за пределами литературного языка.

Отдельного упоминания заслуживает «Толковый словарь русской разговорной речи», выходящий под редакцией Л. П. Крысина [2014–], далее — ТСРРЯ³). Ко времени написания доклада вышло два тома: «А — И»,

¹ На этот словарь обратил мое внимание В. И. Беликов, охарактеризовавший его как вполне профессиональный. В связи с этим хотелось бы упомянуть и [Квеселевич 2002], тоже составленный вполне профессионально, хотя и не свободный от некоторых недочетов.

² См. мою рецензию на [Плущер-Сарно 2001]; [Шмелев 2002].

³ Авторы словаря предпочитают именно такое сокращение, хотя оно отличается от ожидаемой аббревиатуры.

«К — О» (из обозначений томов видно, что ни одно слово на букву *й* в него не вошло). Словарь этот интересен тем, что в соответствии с установкой его авторов он направлен на то, чтобы отразить лексику, не выходящую за пределы литературного языка, хотя и относящуюся к его неформальной устной разновидности [Крысин 2014: 9–11].

Начиная с 1990-х круг субстандартных выражений, включаемых в нормативные словари, постепенно расширяется. Едва ли не «первой ласточкой» было включение в «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слова *жона* с пометой «прост. груб.» и толкованием «То же, что ягодицы» [Ожегов, Шведова 1992]. А в «Большом толковом словаре» под редакцией С. А. Кузнецова [2014] (далее — БТС)⁴ содержатся такие слова, как *б[....]*⁵, *говно*, *мудак*, *срать*, *ссать*, *хер*, *целка* и др. В предисловии к словарю говорится: «В словарь включены также слова и значения, которые по разным причинам не были представлены в толковых словарях ранее». И поясняется: «К словам такого рода относятся: <...> слова, остававшиеся до недавнего времени на границе отдаленной периферии литературного языка (сниженная, жаргонная и бранная лексика)» [Там же]. Сомнительно, впрочем, чтобы слова вроде вышеприведенных в каком бы то ни было смысле относились к литературному стандарту — даже к границе его отдаленной периферии. По-видимому, имелось в виду, что они иногда могут быть использованы в литературной речи с определенной стилистической нагрузкой — в отличие от скверноматерных выражений, которые традиционно считались абсолютно табуированными в литературном языке (впрочем, границы здесь оказываются довольно зыбкими — ср. мою статью о языковых табу [Шмелев 2016]).

Заметим, что не во всех случаях описания, данные в БТС, оказываются вполне точными. Это и не удивительно: в отечественной лексикографии пока не сложилась устойчивая традиция отражения субстандартной лексики в нормативных словарях, поэтому при попытке дать ей более или менее подробное лексикографическое описание во многих случаях приходится выступать в роли первопроходца.

Так, основное значение слова *б[....]* описывается в БТС следующим образом: «*Грубо. Вульг.* Развратная, распутная женщина», после чего делается попытка описать его дискурсивное употребление: «**Б[....], в зн. межд. или частицы.** Употр. для эмоционального усиления сказанного». Как известно, в дискурсивном употреблении слово *б[....]* часто заменяется на *б[.]* (а устойчивая формула заверения искренности своего речевого акта *б[.] буду*, близкая по значению к выражению *провалиться мне на этом месте*, используется существенно чаще, чем «полная» форма *б[....] буду*); однако это никак не отмечено в БТС: ни в словарной статье слова *б[....]*,

⁴ Во время работы над статьей на Грамоте.ру была размещена авторская версия словаря 2014 г. (впоследствии удаленная и в настоящее время недоступная).

⁵ В связи с законодательным запретом употребления нецензурной лексики в СМИ редакция заменяет в таких словах один или несколько знаков соответствующим числом точек в квадратных скобках. — *Примеч. ред.*

ни при помощи отдельной словарной статьи б[..] (такая статья в БТС отсутствует). Кроме того, в качестве эвфемистической замены слова б[....] в дискурсивном употреблении иногда используется слово *блин*, дискурсивное употребление которого описывается в БТС так: «**Блин, в зн. межд. Жарг.** Выражает удивление, огорчение, досаду. *Ну, ты, б., даёшь!»*

Единицы б[....] и б[..], естественно, не включены в ТСРРЯ, поскольку авторы справедливо посчитали, что эти слова ни в каком смысле не относятся к литературному языку. При этом дискурсивному употреблению слова *блин* в ТСРРЯ посвящена отдельная словарная статья. Его значение описывается там сходным образом, только эмоций перечислено больше и завершается перечень многозначительным «и т. п.»: «эмоциональное восклицание, выражающее досаду, недовольство, возмущение, сожаление и т. п.». (В скобках можно заметить, что в этой словарной статье ТСРРЯ приводятся и синонимы слова *блин*: *ёжкин кот*, *ёксель-моксель*, *ёлки-моталки*, *ёлки-палки*, *ё-моё*. Обращают на себя внимание две вещи. Во-первых, это написание *ёжкин*: в «Русском орфографическом словаре» [Лопатин, Иванова 2018] соответствующее выражение отсутствует, но в практике письма явно преобладает написание *ешкин*; во-вторых, отсутствие среди синонимичных выражений не такого уж редкого *бляха-муха*.)

Представляется, что для всех трех слов (б[....], б[..], *блин*) полезно разграничить междометное и парентетическое употребление. В междометном употреблении эти слова не употребляются «для эмоционального усиления сказанного» (как говорится о слове б[....]), поскольку никакое «сказанное» не предполагается, а непосредственно выражают эмоцию, в том числе «удивление, огорчение, досаду», но не только: эмоции могут быть самые разные (в этом отношении несколько расплывчатое перечисление эмоций в ТСРРЯ оказывается более адекватным). Приведем несколько примеров из основного подкорпуса «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ), иллюстрирующих разнообразие выражаемых эмоций.

Междометное употребление слова б[....]:

Б[....]! — громко сказал я. Вспомнив всё. (Олег Гладов. Любовь стратегического назначения, 2000–2003)⁶

Они идут за гаражи. — Б[....]! — вскрикивает одна. — Что такое? — Наступила в говно. (Владимир Козлов. Sex and Violence, 2002)

Верховный сделал знак мозгоправу, и Беда огреб очередную плетку. — Б[....]! — возопил он. — До смерти, суки, не забейте! Слезы, уже не таясь, стекали по его покрасневшим щекам. (Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона / Человек по имени Беда, 2004)

⁶ В данной статье примеры даются в том виде, как они представлены в НКРЯ (с сохранением финальной точки в конце предложения); для выделения рассматриваемой единицы добавлена разрядка.

Мы смотрели по телевизору один из первых в России конкурсов красоты, и Пожарник изрёк глубокомысленно: «Б [. . .]! И е[...] же их кто-то, таких красивых!» (Герман Садулаев. Таблетка, 2008)

Гугер взялся за скобу и потянул створку ворот на себя. Сарай был пуст. Автобус исчез. — Б [. . .], — тихо сказал Гугер и заорал, топая ногами: — Б [. . .]! Б [. . .]! Б [. . .]! (Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 21–39, 2011)

Междометное употребление слова б[. .]:

Один из них между тем надел калоши на ноги, на руки резиновые перчатки, в руки взял обыкновенную металлическую суповую ложку, но к ложке провод припаян... — Б [.]! — раздается восхищенный шепот сразу из нескольких глоток. (Эдуард Лимонов. Молодой негодяй, 1985)

Я курну, — заявил Виталя и вытащил из кармана папиросу. Крюков вспомнил Ильфа и Петрова — молодой бандит не достал из пальто пачку, а, неуклюже порывшись в кармане, вытянул папиросу пальцами, и она появилась на свет уже изрядно помятая. — Б [.], — сказал Виталя, бросил папиросу на пол и полез за следующей. (Андрей Белозеров. Чайка, 2001)

Я, кстати, на «Константина» в кино так и не ходил. Б [.]. Но, может, это и к лучшему, ведь если от просмотра по ящику я получил море удовольствия, то в зале бы меня просто разорвало. (Форум: Константин, Constantine, 2005–2007)

Слышь, эта твоя сказала, что за всё с тобой расплатилась и у неё денег нет, так что пятьдесят рублей в фонд и пятьдесят за бланки справок с тебя, мать! — сказала мне через четыре дня ординатор послеродового. — Б [.]! — только и хватило мне остроумия молвить. <...> Как будто тебе не меньше штуки баксов отвалили. — Б [.]! — сказала я ещё раз, успев подумать, что пора к невропатологу. (Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки, 2009)

Междометное употребление слова *блин*:

Вернулись с вином, водкой, закуской и с писателем Иваном Алексеевичем Свинцитским. — Б л и н! — закричал Змей. — Кого мы видим! Выпей, душа! (Алексей Слаповский. День денег, 1998)

Два льва бредут по лесу и набредают на прикорнувшего под деревом рыцаря. Тогда один лев другому рычит: — Б л и н! Опять консервы! (Коллекция анекдотов: чёрный юмор, 1970–2000)

...увидав, что собираются сделать с Кузей, он влетел к нам и просипел: — Пацаны, Кузю опустить хотят!.. — Б л и н!.. — вырвалось у Хряка. (Алексей Лукьянов. Палка. Рассказ // «Октябрь», 2001)

Славик чрезвычайно горд сестрой: «Блин, — говорит он, и в улыбке — обломок зуба. — Я иду по местности и горжусь, Серег, потому что я знаю, КАКАЯ у меня сестра. Если б я ей не был братом, я бы ее... Я бы ее, Серег, имел — и плакал, имел — и плакал...» (Сергей Шаргунов. Ура!, 2003)

— Какую цепь? — опешил Кирилл. — Я тебе цепь давал с замком. — Блин!.. — вырвалось у Кирилла. Он совсем забыл о цепи и замке. Цепь осталась висеть в скобе на воротах сарая. (Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 21–39, 2011)

Что же касается до парентетического употребления рассматриваемых единиц⁷, то оно может выражать как эмоциональное отношение к содержанию высказывания, так и общую жизненную установку говорящего безотносительно к конкретному высказыванию [Шмелев 1996]. В обоих случаях единица может быть устранена с сохранением «основного», пропозиционального содержания высказывания. При этом, если выражаемое такой единицей эмоциональное отношение согласуется с содержанием высказывания, может возникнуть ощущение «эмоционального усиления сказанного». Однако встречается употребление таких единиц «по привычке», когда создается впечатление, что их семантическое содержание почти полностью выветривается. В таком случае их часто называют «словами-паразитами» (используют также такие выражения, как «словесная шелуха» или «упаковочный материал»), и иногда утверждают, что они не только устранимы без ущерба для смысла высказывания, но и могут быть заменены на любую другую единицу из списка «слов-паразитов». Напомню уже приводившееся мною высказывание литературного критика Вл. Новикова: «“Как бы” — словечко-паразит, обитающее исключительно в интеллигентских языковых организациях. Это вам не простонародное “б[.]” (“блин”), но функция у него, должен заметить та же самая (и, конечно же, тождественная пресловутому “понимаешь”»)» (в замечании в скобках содержался намек на тогдашнего президента России Ельцина, постоянно употреблявшего вводное слово *понимаешь* в своей речи) [Шмелев 1998: 151; 2005: 518]. Между тем функции упомянутых вводных выражений весьма различны. Слова типа *блин* совершенно не похожи ни на маркеры типа *ну* или *это*, ни на маркеры типа *как бы* и т. п., ни тем более на маркеры типа *прикинь* и т. п. [Levontina, Shmelev 2007].

По-видимому, «бляканье» выполняет несколько функций. Оно задает ритмическое строение речи, выполняя тем самым роль ритмико-смыслового организатора. Кроме того, рассматриваемые «слова-паразиты» выражают общую установку говорящего, которая включает циничское отношение к миру и/или к собеседнику. Они рисуют особую картину

⁷ Оно нашло отражение в «Активном словаре русского языка» (далее АС; автор словарной статьи «Блин» — В. Ю. Апресян [2014]), в котором сказано: «Может употребляться в качестве “слова-паразита”, не выражая никакой эмоции: *В жизни, блин, всякое, блин, бывает*».

мира, «в котором крадут и обманывают, бьют и боятся, в котором “все расхищено, предано, продано”, в котором падают, но не поднимаются, берут, но не дают, в котором либо работают до изнеможения, либо халтурят — но в любом случае относятся к работе, как и ко всему окружающему и всем окружающим, с отвращением либо с глубоким безразличием» [Левин 1998: 819]. *Блин* — самое мягкое из этих выражений; впрочем, все они могут свободно употребляться в «сердечном русском разговоре» (Солженицын. Пасхальный крестный ход)⁸.

Почти во всех словарных статьях русских субстандартных выражений, включенных в БТС, можно обнаружить те или иные неточности, и нет ни возможности, ни смысла их здесь подробно разбирать. Так, для слова *зассать* в БТС указывается лишь значение, толкуемое как ‘облить мочой’, приводимое с пометой «грубо» и примером *Ребёнок зассал постель*. Между тем едва ли не более частотным оказывается значение ‘начать сильно бояться’ (замечу, что это значение приводится в ТСРРЯ и толкуется как ‘сильно испугаться чего-л.’). Слово *целка* в БТС имеет единственное значение, которое толкуется как ‘девственница’ (с пометой «вульг.»). Между тем это метонимический сдвиг исходного значения ‘девственная плева’, обнаруживаемого в частушке, известной, по моим воспоминаниям, с начала 1970-х, а скорее всего, и раньше:

Медицина научилась
девок абортировать.
Только, жаль, не научилась
целку ремонтировать.

Есть и другие частушки, в которых слово *целка* употребляется в том же значении, например:

Шел я лесом, видел чудо
под зеленой елочкой:
девка [варианты: «бабка» или «белка»] целку зашивала
тоненькой иголочкой.

Сахар белый, сахар белый,
сахар белый кусковой,
что у Ляльки нету целки,
я ручаюсь головой.

Раскололся горох
на четыре части.
Сорок целок я сломал
при советской власти.

⁸ Здесь и далее все произведения Солженицына цитируются по [Солженицын 2007; 2011; 2012].

Ср. также примеры из НКРЯ:

А другая девица, на мате рядом, которая уже отдыхала и отхлебывала из горлышка водку, рассказывала с подробностями, как подруге ее, то есть Колькиной сейчасной любовнице, год назад ломали целку. (Владимир Высоцкий. Роман о девочках, 1977)

Левка-американец иногда ночевал на полу и один раз по случайности, как рассказывали студентки, придя за рублем, сломал целку дочери министра Нинке со второго курса факультета журналистики, так что Нинка проснулась вся в крови и потащила в панике отстирывать матрац на кухню, поскольку ванны в квартире не имелось. (Людмила Петрушевская. Свой круг, 1987)

Его мысли об унижении реабилитацией — «порвали целку, а потом заштопали» — самое верное из всего, что я читал об этом. (Николай Троицкий. Дневник, 1987)

Потом прошел и вовсе невероятный слух: будто бы Васильев «порвал целку» аж самой Верке Машинной, недоступной красавице и отличнице из 10-го «Б». (Вадим Громов. Компромат для олигарха, 2000)

Костик, представляешь, я у нее первый мужик, целку ей сломал, а теперь она из себя королеву корчит. (Татьяна Моспан. Подиум, 2000)

— Не поможет здесь резина, если целка порвана! (Максим Жуков. Третья степень // «Сибирские огни», 2012)

Упомяну также несогласованность описаний слов, относящихся к одному лексикографическому типу (например, *фиговый*, *херовый* и *хреновый*, *фигня* и *херня*, *фиговина*, *херовина* и *хреновина*), и отсутствие в БТС множества производных слов и значений (это легко видеть при сопоставлении словника БТС со словником вышедших томов ТССРЯ).

Большого внимания заслуживает описание в БТС субстандартных значений слов, которые сами по себе издавна включались в нормативные словари, поскольку их прочие значения вполне соответствуют литературному стандарту (однако субстандартные значения при этом игнорировались). Коснемся нейтральных в «основных» значениях глаголов *дать* и *кончить* (с имперфективами *давать* и *кончать*) и разговорных в основных значениях *трахнуть* и *трахнуться* (имперфективы — *трахать* и *трахаться*)⁹.

Если мы обратимся к словарной статье глагола *дать*, то увидим, что и в ней есть определенные неточности. С самого начала удивляет указание на место ударения в грамматических формах: «дал, далá, дáло и далó, дáли (с отриц.: не дáл и не дал, не далá, не дáло и не дало, не дáли и не дали)».

⁹ Некоторые наблюдения на этот счет вошли в мою статью [Шмелев 2022].

Совершенно верно, что в форме среднего рода без отрицания возможно двоякое ударение, в отличие от форм женского рода и множественного числа. Но при наличии отрицания авторы словарной статьи забывают о возможности ударения на окончании, хотя ударение *не далó* встречается едва ли не чаще, нежели два других варианта. Ср. пример из устного под-корпуса НКРЯ, из речи В. Д. Левина, читающего свою пародию:

Ежеднёвное повторёние опыта в течёние мёсяца / дáже с применёнием трёхэта́жной систёмы Реформáтского / не далó ничегó нóвого. (В. Д. Левин. Искандер Ислахи. Еще один лингвистический парадокс. 1975 // Фонотека ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН; опубл.: Незабываемые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. 1. М.: ЯСК, 2009)

Авторитетные орфоэпические словари учитывают ударение *не далó* наряду с двумя другими: «нё дал, нё дало, нё дали *и допуст.* не дáл, не далó *и не дáло, не дáли*» [Еськова 2015]; «*формы дал, дало, дали <...> в сочетании с частицами не, ни могут произноситься двояко: с ударением на частице в соответствии со старшей нормой или с ударением на глаголе в соответствии с младшей нормой*» [Каленчук и др. 2012]; «нё дало, не дáло и не далó» [Резниченко 2010]. Тем самым отсутствие в БТС ударения трудно счесть чем-то иным, нежели упущением — тем более странным, что для формы без отрицания ударение *далó* учтено.

Это далеко не единственная ошибка в словарной статье глагола *дать* в БТС. Далее приводится разговорное значение 'ударить', которое описывается следующим образом: «7. *кого-что, по чему, во что (чем). Разг.* Нанести удар, ударить. *Д. пощёчину. Д. оплеуху. Д. по физиономии. Д. кулаком в ухо. Д. пару раз промеж глаз (разг.). Д. по рукам; д. по шапке (также: наказать). Дай ему хорошенько (подстрекательство к расправе, драке)*». Приведенное управление (*кого-что*) невозможно для глагола *дать* в рассматриваемом значении: говорят не *дать кого*, а *дать кому*, что видно даже из приведенной иллюстрации (*Дай ему хорошенько*). Может быть, авторы имели в виду обороты типа *дать пинка, дать пощечину*? Но тогда надо было бы вместо *кого-что* написать *чего-что*. Кроме того, остается совершенно непонятно, в каких случаях выбирается конструкция *по чему*, а в каких — *во что*. Почему говорят и *дать по морде*, и *дать в морду*, но только *дать по башке* (а не *дать в башку*) и *дать в глаз* (а не *дать по глазу*)? Ответа на этот вопрос мы из данной словарной статьи не узнаем. И, возможно, на этом фоне покажется уже придиркой выражение удивления по поводу того, что, хотя все значение охарактеризовано как разговорное, помета «разг.» в скобках зачем-то еще стоит после оборота *дать пару раз промеж глаз*.

Следующее лексическое значение описано в БТС так: «(св. **задать**) *что. Разг.* Отругать, вынести порицание. *Д. выговор. Д. взбучку, трёпку, нагоняй*». Совершенно непонятен статус указания в скобках «св. задать». Обычно помета «св.» указывает на перфективный коррелят описываемого глагола; но *дать* — сам по себе глагол совершенного вида, и перфективного коррелята у него не может быть. Кроме того, в приведенных сочета-

ниях толкование ‘отругать, вынести порицание’ относится ко всему сочетанию, а не к полувспомогательному глаголу *дать*.

И, наконец, мы можем перейти к интересующему нас субстандартному значению, которое описывается в БТС следующим образом: «кому. Разг.-сниж. Позволить кому-л. вступить с собой в половые отношения, согласиться на половой акт (о женщине)». Здесь следовало бы добавить, что субъектом глагола *дать* в данном значении может быть не только женщина: в русском интернете находится немало примеров, в которых при помощи данного глагола описывается поведение пассивного партнера при гомосексуальном контакте (нечто вроде *дал в жопу за деньги*), да и субстандартное выражение *дать в рот* предполагает субъекта-мужчину.

Здесь, кстати, мы сталкиваемся с тем, что неточность в описании моделей управления глагола *дать* в разных значениях может привести к неверной интерпретации текста. Действительно, *дать* в значении ‘ударить’ допускает управление *дать по чему* и *дать во что* (сочетания *дать по морде* и *дать в морду* синонимичны); однако если в сочетании *дать по жопе* глагол *дать* однозначно понимается в значении ‘ударить’, то в сочетании *дать в жопу* — скорее в значении ‘согласиться на половой контакт’.

Из-за того, что глагол *дать* всегда присутствовал в обычных нормативных словарях, а его субстандартное значение ‘согласиться на половой контакт’ в них не упоминалось, у иностранцев иногда наблюдается непонимание русских текстов, содержащих глагол *дать* в указанном субстандартном значении. Так, мне уже приходилось писать о попытках передать в переводах на иностранные языки фразу «Всем давать — мужу не останется», сказанную дворником Спиридоном в романе Солженицына «В круге первом» [Шмелев 2020: 157–158].

Глагол *дать* и его видовой коррелят *давать* находим и в уже вышедших томах ТСРРЯ и АС (автор словарной статьи «Дать» — Б. Л. Иомдин [2017]). Кратко прокомментируем их.

В ТСРРЯ значение полового контакта дано в словарной статье имперфективного глагола *давать*, а значение ‘ударить’ — в словарной статье глагола *дать*; впрочем, в обоих случаях приведены и видовые корреляты (*дать* и *давать*, соответственно). Причина такого решения осталась не вполне ясной. Значение полового контакта толкуется следующим образом: «О женщине, девушке: предоставлять мужчине возможность вступать с нею в половой контакт; отдаваться». Таким образом мы видим, что и ТСРРЯ не учитывает возможность использования глагола *давать* по отношению к гомосексуальному контакту и по отношению к оральному сексу.

Словарная статья АС дает наиболее детальную информацию о глаголе *дать*, в том числе о рассматриваемых значениях. К сожалению, и она не свободна от неточностей.

Для значения ‘ударить’ в ней выделяются четыре актанта *кто* (A1) *дал кому* (A2) *по чему* (A3) *чем* (A4) и указываются два варианта управления.

При первом варианте A1 выражается именительным падежом, A2 — дательным (*дать прохожему*), A3 — конструкциями с предлогами (*дать*

по физиономии, дать в морду, дать под зад), А4 — творительным падежом (дать кулаком <ногой>). Описание этой конструкции в принципе не вызывает возражений, хотя приведенное в АС толкование «Человек А1 своей частью тела А4 сильно ударил человека А2 по его части тела А3» излишне категорично ограничивает А4 частью тела — *дать* по башке или по шее можно самыми разными предметами. Ср. примеры из НКРЯ:

Я сказала: «Как щас дам по башке з о н т и к о м!» (Иржи Грошек. Реставрация обеда, 2000)

Наконец мне это надоело, и я вылил бутылек с чернилами одному на голову, а другому этим п у з ы р ь к о м дал по башке! (Роман Карцев. Малой, Сухой и Писатель, 2000–2001)

Банкой с огурцами вполне можно дать по голове. (Татьяна Устинова. Подруга особого назначения, 2003)

Ты просишь, чтобы ей кто-то дал по голове п у з ы р ь м с о л ь д о м. (Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки, 2009)

Кроме того, из описания можно было бы сделать вывод, что выбор предлога при обозначении места удара произволен, а между тем, как мы уже видели, здесь имеются определенные ограничения: при некоторых существительных возможны оба предлога, *в* и *по* (*дать в морду* и *по морде*, *в ухо* и *по уху*, *в зубы* и *по зубам*), при других выбор предлога жестко определен (*дать в глаз*, *по шее*, *по башке*, *в табло*, *под дых*).

А вот описание второго варианта модели управления содержит путаницу с нумерацией актантов. В нем говорится, что А2 может выражаться винительным (*дать подзатыльник* <пощечину> — одновременно выражает тип и место удара) или родительным падежом (*дать тумаков* <тычка> — выражает тип удара), а А3 — дательным падежом (*дать хулигану*). Но ведь при перечислении актантов глагола *дать* как А2 был обозначен человек, которому наносится удар, а как А3 — часть тела человека А2, по которой наносится удар (по чему бьют)!

И, как и в других словарях, описание значения сексуального контакта в АС ограничивается случаями, когда субъект глагола *дать* — женщина.

Перейдем к субстандартному значению глагола *кончить*. Оно описано в БТС следующим образом: «без дополн. Жарг. Испытать оргазм» (глагол *кончить* есть и во втором томе ТСРРЯ, и соответствующее значение описано там сходным образом, хотя толкованием в собственном смысле это описание признать нельзя: «о состоянии оргазма»). Указание на то, что данное значение реализуется в абсолютном употреблении (без прямого дополнения), в целом совершенно верно, хотя модель управления можно было бы описать более детально. Дело в том, что глагол *кончить* в рассматриваемом значении имеет два типа употребления: в первом акцент делается на оргазме (субъектом может быть и мужчина, и женщина), во втором — на эякуляции (во этом типе употребления субъект всегда мужчина). В первом типе употребления глагол используется без каких бы то

ни было дополнений, во втором используются дополнения, отвечающие на вопрос *куда?* (чаще всего с предлогом *в*). Ср. пример из ТСРРЯ:

Предохраняться мы перестали 2 месяца назад, но всегда в середине цикла у него находились причины в меня не кончить. (Беременность: Планирование беременности // Форум, 2005)

Приведу также несколько примеров из НКРЯ:

Кончить в Светку совершенно не одно и то же, что кончить, когда онанируешь... (Эдуард Лимонов. Подросток Савенко, 1982)

Многие женщины, боясь забеременеть, умоляют партнеров во время полового акта не «кончать» в них, то есть вынимать половой член в момент оргазма, чтобы сперма выливалась на живот, на постель, но лишь бы не во влагалище. (Владимир Шихиджян. 1001 вопрос про ЭТО, № 1–500, 1999)

...помню, однажды на пустыре семилетку трахнул — вот это было самое оно! Я ту козочку до сих пор вспоминаю — так сладко было, когда я душил ее и в нее кончал в это время... Даже думал в живых ее оставить, но передумал — она мою рожу ведь видела... (Алексей Грачев. Ярый против видеопиратов, 1999)

Андрей заскрипел зубами — и кончил в нее обильно и сладко. (Алексей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть, 2000)

...младший клерк пресс-службы ведущего банка, выгнувшись и коротко всхлипнув, кончил в растущую верстальщицу модного дизайнерского бюро. Точнее — в одноразовый гигиенический пакетик южноазиатского гондона (Александр Гаррос, Алексей Евдокимов. [Голово]ломка, 2001)

Девчонки, а вам нравится, когда кончают в рот? (Женщина + мужчина: Секс (форум), 2004)

Просто хочу, чтобы ты кончил в меня, и все. (Александр Снегирев. Вера, 2015)

И не вполне ясно, почему в БТС данное значение характеризуется как жаргонное. Представляется, что характеристика ТСРРЯ («сниж.») дает более адекватную стилистическую характеристику глагола *кончить* в рассматриваемом значении.

Субстандартное значение глагола *трахнуть* описано в БТС так: «кого. Разг.-сниж. Совершить половой акт». Сходным образом описано и субстандартное значение глагола *трахнуться*: «с кем. Разг.-сниж. Совершить половой акт». Из этих описаний совершенно неясно, есть ли между этими двумя глаголами какие-либо различия, кроме различий в модели управления. Для обоих глаголов указаны видовые корреляты, относящиеся не только к субстандартным, но и ко всем значениям

рассматриваемых разговорных глаголов: *трахать* и *трахаться* соответственно.

По поводу описаний БТС уместны некоторые комментарии.

Во-первых, *трахнуть* и *трахнуться* не полностью синонимичны. Субъектом глагола *трахнуть* в данном значении чаще всего бывает мужчина. Примеры, когда субъект — женщина, встречаются, но они чрезвычайно редки по сравнению с многочисленными примерами с субъектом-мужчиной. Для глагола *трахнуться* таких ограничений нет.

Во-вторых, соотношение субстандартных значений со «стандартными» различно для рассматриваемых глаголов. Для глагола *трахнуть* «стандартные» значения вполне частотны. Не требуется обращаться к поисковым системам, чтобы вспомнить примеры из прозы Солженицына:

Смерть не страшна, пока тебя не *трахнет* (курсив автора романа. — А. Д.). Я ничего не боялся, пока не испытал («В круге первом»).

— Да! — вспомнил Шикин, и лицо его просветлело, и с головы спала обременительная необходимость вести следствие, и он отодвинул все бумаги. — Пока не забыл. Ты, Егоров, дней десять назад, помнишь, токарный станок перетаскивал? С лестницы в подвал.

— Ну-ну, — сказал Спиридон.

— Так вот, *трахнули* вы его где? — ещё на лестнице или уже в коридоре?

— Кого? — удивился Спиридон. — Мы не дрались.

— Станок! — кого!

— Да Бог с вами, гражданин майор, — зачем же станок бить? Что он, кому досадил или что? («В круге первом»).

— Хорошо, хорошо! — успокаивал Максим. — И телятинку бери. Сейчас компотика твоего *трахнем*. Паша! Один раз на свете живём — зачем жить плохо? Надо жить хорошо, Паша! («Раковый корпус»).

Лев Леонидович молча остановился, чуть ноги расставив, чуть избоку к Дёмке, и, развесив длинные руки, правую даже отведя немного, смотрел исподлобья, будто примерялся: а если Дёмку сейчас *трахнуть* правой снизу в челюсть — так что будет? («Раковый корпус»).

— Стыдно, — сказал он тихо. — Почему мы спокойны, пока не *трахнет* нас самих и наших близких? Почему такой человеческий характер? («Раковый корпус»).

Для имперфектива *трахать* эти значения постепенно выходят из употребления и уступают место субстандартным. Это же касается и глагола *трахнуться*. Однако в обоих случаях «стандартные» значения встречаются даже в современных текстах. И, наконец, для глагола *трахаться* субстан-

дартные значения полностью вытеснили «стандартные». В основном корпусе НКРЯ по состоянию на 12 ноября 2020 г. было 392 примера глагола *трахаться*, и все — только на субстандартное значение, один — в переносном употреблении, очевидным образом восходящем к субстандарту:

Васильич во время встреч всем и постоянно жаловался на вечные неполадки, на проблемы с гарантийным ремонтом и все ждал, когда у него появятся маленькие «святогорики» с темной «мо-сквичевой» родословной — уж слишком много он т р а х а л с я с тестевым подарком. (Елизавета Козырева. Дамская охота, 2001)

Наряду с рассмотренными глаголами среди слов, которые сами по себе с давних пор включались в нормативные словари, поскольку их основные значения вполне соответствуют литературному стандарту (но субстандартные значения игнорировались), можно упомянуть слово *палка*, например, в конструкциях типа *кинуть палку* (соответствующее значение в БТС игнорируется). Приведем несколько примеров из НКРЯ:

Мы с мужем не виделись 15 дней и он мне пока 3 палки не бросил не отстал... (Женщина + мужчина: Секс (форум), 2004)

— Как ни приду, накормит вначале, рюмку нальет, а потом я драть ее начинаю, в прошлый раз три палки кинул, п[....] — кипиток... — дышал он мне в ухо, обмирая от ужаса. (Михаил Елизаров. Госпиталь, 2009)

Нет, говорю, товарищ полковник, по шесть палок в час — это мы не договаривались. Это, говорю, к жене обращайтесь. Она вас, может, за сто баксов и обслужит шестерых. (М. К. Кантор. Диссидент осеннего призыва, 2011)

Ср. каламбурное употребление:

Науку любви ребята осваивали по надписям на парте, типа: «Любовь — как костер: не кинешь палку — погаснет!» (И. Ю. Стогов. Буги-вуги-Book. Авторский путеводитель по Петербургу, которого больше нет, 2012)

В целом можно сказать, что включение субстандартных слов и особенно субстандартных значений слов в нормативные словари адекватно отражает языковую реальность. Однако их описание в этих словарях хотелось бы видеть более точным.

Источники

Солженицын 2007 — Солженицын А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 1: Рассказы и крохотки. М.: Время, 2007.

Солженицын 2011 — Солженицын А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 2: В круге первом. М.: Время, 2011.

Солженицын 2012 — *Солженицын А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 3: Раковый корпус. М.: Время, 2012.

Словари

Буй 1995 — *Буй В.* Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений) / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Помовский и партнеры, 1995.

Буй 2005 — *Буй В.* Русская заветная идиоматика (веселый словарь народных выражений) / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Альта-Принт, 2005.

Даль 1903–1911 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд., испр. и знач. доп. / Под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ: В 4 т. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1903–1911.

Елистратов 1994 — *Елистратов В. С.* Словарь московского арга: Материалы 1980–1994 гг. М.: Рус. словари, 1994.

Ермакова и др. 1999 — *Ермакова О. П., Земская, Е. А., Розина Р. И.* Слова, с которыми все мы встречались: Толковый словарь русского общего жаргона / Под общ. рук. Р. И. Розиной. М.: Азбуковник, 1999.

Еськова 2015 — Орфоэпический словарь русского языка / Под ред. Н. А. Еськовой. М.: АСТ, 2015.

Каленчук и др. 2012 — *Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты. М.: АСТ-Пресс Книга, 2012.

Квеселевич 2002 — *Квеселевич Д. И.* Русско-английский словарь ненормативной лексики. М.: Астрель; АСТ, 2002.

Квеселевич 2003 — *Квеселевич Д. И.* Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М.: Астрель; АСТ, 2003.

Крысин 2014 — Толковый словарь русской разговорной речи / Отв. ред. Л. П. Крысин. Вып. 1—. М.: Языки славянской культуры; Изд. Дом ЯСК, 2014—.

Кузнецов 2014 — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. [1-е изд.: СПб.: Норинт, 1998]. Авт. ред. 2014 г. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts>.

Лопатин, Иванова 2018 — Русский орфографический словарь: Ок. 200 000 слов / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. М.: АСТ-Пресс Школа, 2018.

Ожегов, Шведова 1992 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd, 1992.

Плущер-Сарно 2001 — *Плущер-Сарно А.* Большой словарь мата. Т. 1. СПб.: Лимбург Пресс, 2001.

Плущер-Сарно 2005 — *Плущер-Сарно А.* Материалы к словарю русского мата. Т. 2. СПб.; М.: Лимбург Пресс, 2005.

Резниченко 2010 — *Резниченко И. Л.* Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-Пресс КНИГА, 2010.

Росси 1991 — *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу: В 2 ч. М.: Просвет, 1991.

Химик 2004 — *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.

Юганов, Юганова 1994 — *Юганов И., Юганова Ф.* Русский жаргон 60^х–90^х годов: Опыт словаря / Под ред. А. Н. Баранова. М.: Помовский и партнеры, 1994.

Rossi 1987 — Rossi J. The GULAG handbook: A historical dictionary of Soviet penitentiary institutions and terms related to the forced labour camps / With a pref. by A. Besançon. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1987.

Литература

- Апресян 2014 — *Апресян В. Ю.* Блин // Активный словарь русского языка. Т. 1 / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славян. культуры, 2014. С. 283.
- Иомдин 2017 — *Иомдин Б. Л.* Дать // Активный словарь русского языка. Т. 3 / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна; Ред. тома: В. Ю. Апресян, И. В. Галактионова, Б. Л. Иомдин. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 28–33.
- Левин 1998 — *Левин Ю. И.* Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М.: Языки рус. культуры, 1998.
- Шмелев 1996 — *Шмелев А. Д.* Жизненные установки и дискурсные слова // *Aspek-teja / Toim. N. Baschmakoff, A. Rosenholm, H. Tommola. Tampere: Tampereen yliopisto, 1996. С. 311–322. (Slavica Tamperensia; 5).*
- Шмелев 1998 — *Шмелев А. Д.* Слова-паразиты и их роль в построении дискурса // Русский язык в контексте современной культуры: Тез. докл. междунаrod. науч. конф. Екатеринбург, 29–31 октября 1998 г. / Отв. ред. И. Т. Вепрева. Екатеринбург: УрГУ, 1998.
- Шмелев 2002 — *Шмелев А.* Зачем околачивают груши // Ежедневный журнал. 2002. № 19. 16 мая. [Архивная копия: <https://web.archive.org/web/20041028210405/http://ej.ru/019/life/07lexicon/index.html>].
- Шмелев 2005 — *Шмелев А. Д.* «Показатели хезитации» в русской устной речи // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 518–529.
- Шмелев 2016 — *Шмелев А. Д.* Языковые запреты в современной России: общественные табу и государственное регулирование // *Zeitschrift für Slavische Philologie. Bd. 72. Fasc. 2. 2016. S. 271–288.*
- Шмелев 2020 — *Шмелев А. Д.* Паремии, используемые в прозе Солженицына, и проблемы их перевода // Шаги / Steps. Т. 6. № 3. 2020. С. 152–169. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2020-6-3-152-169>.
- Шмелев 2022 — *Шмелев А. Д.* «Неприличные» значения «приличных» слов: лексикографические заметки // Lifetime linguistic inspiration: To Igor Mel’čuk from colleagues and friends for his 90th birthday / Ed. by L. Iomdin, J. Miličević, A. Polguère. Berlin: Peter Lang, 2022. P. 389–402. (Wiener Slawistischer Almanach; Sbd. 101).
- Levontina, Shmelev 2007 — *Levontina I., Shmelev A.* False emptiness: Are so-called “parasitical words” really semantically void? // Meaning-Text Theory 2007: Proceedings of the 3rd International Conference on Meaning-Text Theory. Klagenfurt, May 20–24, 2007 / Ed. by K. Gerdes, T. Reuther, L. Wanner. München; Wien: Otto Sagner, 2007. P. 267–276. (Wiener Slawistischer Almanach; Sbd. 69).

References

- Apresyan, V. Yu. (2014). Blin [‘Pancake’; interjection]. In Yu. D. Apresyan (Ed.). *Aktivnyi slovar’ russkogo iazyka* (Vol. 1, p. 283). Iazyki slavianskoi kul’tury. (In Russian).
- Iomdin, B. L. (2017). Dat’ [‘To give’]. In Yu. D. Apresyan et al. (Eds.). *Aktivnyi slovar’ russkogo iazyka* (Vol. 3, pp. 28–33).
- Levin, Iu. I. (1998). *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected works. Poetics. Semiotics]. Iazyki russkoi kul’tury. (In Russian).
- Levontina, I., & Shmelev, A. (2007): False emptiness: Are so-called “parasitical words” really semantically void? In K. Gerdes, T. Reuther, & L. Wanner (Eds.). *Meaning-Text*

- Theory 2007: Proceedings of the 3rd International Conference on Meaning-Text Theory. Klagenfurt, May 20 – 24, 2007* (pp. 267–276). Otto Sagner.
- Shmelev, A. D. (1996). Zhiznennye ustanovki i diskursnye slova [Life attitudes and discourse words]. In N. Baschmakoff, A. Rosenholm, & H. Tammola (Eds.). *Aspekty* (pp. 311–322). Tampereen yliopisto. (In Russian).
- Shmelev, A. D. (1998). *Slova-parazity i ikh rol' v postroenii diskursa* [Time fillers and their role in discourse building]. In I. T. Veprev (Ed.). *Russkii iazyk v kontekste sovremennoi kul'tury: Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Ekaterinburg, 29–31 oktiabria 1998 g. (pp. 151–153). UrGU. (In Russian).
- Shmelev, A. D. (2002, May 16). Zachem okolachivaiut grushi [Review of Plutser-Sarno 2001]. *Ezhenedel'nyi zhurnal*, 2002(19). <https://web.archive.org/web/20041028210405/http://ej.ru/019/life/07lexicon/index.html>. (In Russian).
- Shmelev, A. D. (2005). “Pokazateli khezitatsii” v russkoi ustnoi rechi [The markers of hesitation in Russian oral speech]. In V. N. Toporov (Ed.). *Iazyk. Lichnost'. Tekst: Sbornik statei k 70 letiiu T. M. Nikolaevoi* (pp. 518–529). Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian).
- Shmelev, A. D. (2016). Iazykovye zaprety v sovremennoi Rossii: obshchestvennye tabu i gosudarstvennoe regulirovanie [Language prohibition in contemporary Russia: Social taboo and state regulation], *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 72(2), 271–288. (In Russian).
- Shmelev, A. D. (2020). Paremii, ispol'zuemye v proze Solzhenitsyna, i problemy ikh perevoda [Translating proverbs in Solzhenitsyn's literary work: Problems and solutions]. *Shagi/Steps*, 6(3), 152–169. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2020-6-3-152-169>. (In Russian).
- Shmelev, A. D. (2022). “Neprilichnye” znacheniiia “prilichnykh” slov: leksikograficheskie zametki [Substandard meanings of standard words: lexicographic notes]. In by L. Iomdin, J. Milčević, & A. Polguère (Eds.). *Lifetime linguistic inspiration: To Igor Mel'čuk from colleagues and friends for his 90th birthday* (pp. 389–402). Peter Lang.

* * *

Информация об авторе

Алексей Дмитриевич Шмелев
доктор филологических наук
главный научный сотрудник,
заведующий отделом культуры
русской речи, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка,
д. 18/2
✉ shmelev.alexei@gmail.com

Information about the author

Alexei D. Shmelev
Dr. Sci. (Philology)
Main Researcher, Head of Department
of Russian, Linguistic Standards,
V. V. Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy
of Sciences
Russia, 110019, Moscow, Volkhonka Str.,
18/2
✉ shmelev.alexei@gmail.com